

связанные с глаголом (предикатом) отношениями замещения и указания: широкозначные глаголы, их комбинации с некоторыми указательными, вопросительными, неопределенными местоимениями, заменяющими в речи ускользнувший из памяти или эллиптированный глагол и др. По мнению автора, эти языковые элементы не являются местоглаголиями, т.е. собственно местоимениями, формирование которых непосредственно связано с использованием дейктических частей.

Местоглаголиями следует считать глаголы, имеющие первичные дейктические корни, вроде эвенкийских ё – «чтоить», зри-н-тэ «этовствовать», тари –н –та –«готовствовать» или севернорусского «тоговотать». Считается, что местоглаголия непосредственно связаны с референциальной функцией языка. Они являются скорее потенциальной, нежели последовательно вербализованной категорией. Формируясь в дискурсе, местоглаголия остаются фактом речи, лишь иногда поднимаясь до уровня языковой системы.

Чаще всего под местоглаголием понимают глаголы с очень общей семантикой процессуальности или экзистенциальности, способные выступать на месте того или иного полнозначного глагола или отдельных семантических групп, следовательно, иметь в некоторой степени функции указания и замещения. Обычно в качестве таковых приводятся глаголы со значениями «делать», «стать», «быть», «происходить» и т.д., например, датский глагол gøre, шведский göra «делать», китайский lái «приходить», русский глагол «стать» в устаревшей конструкции «не – инфинитив – стать», вроде: нам не привыкать стать, не занимать стать, английский глагол to do, используемый для замены смыслового глагола во избежание его повторения в последующем предложении или в кратких ответах на вопрос: Who took the dictionary? – I did. – «Кто взял словарь? – Я (сделал, т.е. взял)»; Does he help you? – Yes, he does. – «Он помогает вам? – Да (делает, т.е. помогает)», болгарский глагол «есть» в утвердительных конструкциях: Купи ли сахар? – Не съм. – «Купил ли ты сахар?» – букв. «не есть» и некоторые другие [1; 89-90].

Нетрудно сделать вывод, что само по себе «местоименное значение» глагола еще не повод говорить о наличии в языке местоглаголия как структурной составляющей дейктической системы. По мнению К. Бюлера, фундаментальным различием между полем указания, в котором функционируют дейктические знаки, и символическим полем назывных слов состоит в том, что первые всегда связаны с ситуацией общения, тогда как назывные слова в большей степени ситуационно независимы. Следовательно, чем больше семантическая реализация слов зависит от ситуации говорения, тем ближе они к разряду дейктических слов. Однако это не значит, что они могут быть включены в число местоимений. Для этого нужен достаточно длительный период «ассимиляции» в строгой иерархически структурированной системе местоимений языка.

Библиография

1. Федонева Г.В. О статусе местоглаголия в языке // Вопросы языкознания». – 2011. – №2.

**Беслемпшева В.П.,
УрГПУ, Екатеринбург**

студентка 5 курса Института иностранных языков

Стилистические приёмы, основанные на семантической оппозиции, и их роль в художественном тексте (на примере произведений Ч. Диккенса)

Противоположность признана многими психологами, философами, лингвистами одним из базовых отношений человеческого мышления, что, как следствие, проявляется и в языке. Антонимия относится к разряду языковых универсалий [2: 35], [3: 191–200]. Антонимия признаётся многими

лингвистами как комплексное явление, заключающее в себе множество типов, хотя ряд лингвистов полагают, что некоторые из этих типов, так же как и собственно антонимия образуют отношения семантической оппозиции. В частности, Дж. Лайонз выделил 3 основных типа семантических оппозиций: дополительность, антонимия и конверсивность [4: 485]. Многие лингвисты полагают, что антонимы всегда принадлежат к одной части речи [5: 7], [6: 209], и др. Однако, эта точка зрения оспаривается другими лингвистами, которые допускают возможность существования междостережной антонимии [3: 62], [7: 54], [8: 91].

Особый вид антонимии представляет собой энтимосемия (в терминологии зарубежных лингвистов *entimosemy*, *autantonymy*, *contronymy*) – явление, при котором семантическую оппозицию составляют значения одного и того же слова [9], [10], [11: 83]. Некоторые лингвисты отмечают связь энтимосемии со стилистическим приёмом иронии [9: 23], [10: 88]. Семантическая оппозиция представляет собой богатый материал для создания образности в художественном тексте, как это отмечается рядом лингвистов, [12: 35], [13], [5: 6]. Семантическая оппозиция как противоположность лежит в основе ряда стилистических приёмов. Среди наиболее распространённых и признанных большинством лингвистов следует отметить антитезу (фигуры контраста [14: 163], выдвигание [15: 102]), оксюморон (фигуры контраста [14: 161], полуотмеченная структура [15: 139]), ирония (количественные фигуры [14: 118], троп [15: 127]). Рассмотрим употребление этих стилистических приёмов на примере произведений Ч. Диккенса.

Антитеза. «Of those years he had been married, ten — married, as some said, to a lady with no heart to give him; whose happiness was in *the past*, and who was content to bind her broken spirit to the dutiful and meek endurance of *the present*». (*Dombey and Son*). Противопоставление, созданное с помощью антонимов *past* и *present*, подчеркивает, насколько сильно изменилась жизнь миссис Домби после замужества и насколько она была несчастлива. Через отношение к ней раскрывается образ главного персонажа. Оксюморон. «The Major again pressed to his blue eyes the tips of the fingers that were disposed on the ledge of the wheeled chair with *careful carelessness*...» (*Dombey and Son*). Противоречие словосочетания *careful carelessness* подчеркивает неискренность, манерность поведения персонажа, что дополняет образ самодовольного и тщеславного человека. Ирония.. «What a *noble* illustration of the *tender* laws of this favoured country! — they let the paupers go to sleep!» (*Oliver Twist*). Очевидно, что использование прилагательного *noble* в данном примере не связано с его словарным значением (благородный, великодушный, доблестный), а имеет значение прямо противоположное (низкий, мелочный, подлый). Ирония, использованная в данном примере, выражает безразличие и жестокость дворян по отношению к людям невысокого происхождения. «Oliver cried lustily. If he could have known that he was an orphan, left to the tender *mercies* of church-wardens and overseers, perhaps he would have cried the louder». (*Oliver Twist*). Использование существительного *mercy* в данном примере выражает идею, представленную в предыдущем примере. Оно приобретает значение жестокость, безжалостность.

Таким образом, в данной работе мы предоставили доказательства того, что различные типы семантической оппозиции могут служить основой для некоторых стилистических приёмов (антитезы, оксюморона, иронии), придающих выразительность художественному тексту.

Библиография

1. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 49–58.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. Яриева В.Н. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
3. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. – 222 с.

4. Лайонз Дж., Звегинцев В.А. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз; пер. с англ. и под ред. В.А. Звегинцева – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
5. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 543 с.
6. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 295с.
7. Деева И.М. Особенности выражения контраста в английском и немецкой фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 43. – С. 51–55.
8. Боева-Омелечко Н.Б. О терминологическом аппарате теории антонимии // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конференции. – М.: ИГУМО, 2007. – С. 91–93.
9. Махмутова Л.Р. Основные типы эпитимии в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук – Казань: Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. – 24 с.
10. Литвинова Е.А. Эмоционально-оценочная эпитимия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 2. – С. 86-90.
11. Бабич Г.Н. Лексикология английского языка: учеб. пособие для студентов вузов по спец. "Иностр. яз." – 3-е изд., испр. – М.: Флинт: Наука, 2008. – 200 с.
12. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 448с.
13. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Иностр. яз." – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 301 с.
14. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 221 с.
15. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

Берсенева М.В.,
РГППУ, Екатеринбург
студентка 4 курса Института лингвистики

Лингвостилистические особенности создания эффекта страха в произведениях Стивена Кинга

В произведениях Стивена Кинга "Цикл оборотня" и "Безнадега" семантическое поле страха построено на использовании лексических средств выражения страха. Одно из них - это синонимический ряд слов, обладающих общими семантическими признаками, таких как абстрактные имена существительные и их производные (по классификации Вердиевой З.Н.), имеющие лексико-семантическое значение состояния (fear, terror, horror), качества (dread), и действия (panic). При создании своих произведений Стивен Кинг полагается не только на собственное воображение, но и на воображение читателя, в его творчестве в большом объеме представлены недомолвки и обрывания предложений на полуслове. Автор только намекает и направляет человека в нужном направлении, а тот уже дальше сам дорисовывает картины в соответствии со своим индивидуальным восприятием. Иначе говоря, Кинг не описывает эмоции и чувства персонажей, но пробуждает их в читателе, и именно этим "собственным" оружием и воздействует на него. По мнению писателя, только такая "двусторонняя" работа способна создать то чувство ужаса, которого он добивается. Кроме того, Стивеном Кингом использованы литературные средства (апозиопезис, повторение, персонафикация и т.д.), которые позволяют показать эмоциональное состояние, выразить недосказанность, которая предоставляет читателю возможность додумывать, предсказывать появление опасности или ее степень, выстраивать ассоциации о возможном развитии событий и собственной реакции, показывать появление неожиданного и непредсказуемого и т.п. Таким образом, комплексное